

К изучению иноязычных топонимических материалов в Вестях-курантах

Вести-куранты содержат богатые сведения о зарубежных топонимах своего времени¹. С точки зрения лингвистической содержательности в этом плане попытаемся выяснить, какие данные об устной или письменной форме языка заключают эти топонимы, а также выявить их типы и разновидности. Рассмотрим указатель географических названий к публикации «Вести-куранты. 1600—1639» и некоторые более поздние материалы курантов.

С этой стороны упомянутые топонимы пока не изучались. А. Л. Сахаров в работе «Географические и политические наименования в языке русской рукописной газеты 1621 года»², касаясь географических названий, анализирует в основном нарицательные наименования, сопутствующие собственно топонимам (остров, море, река и т. п.). Предметом исследования И. С. Хаустовой была в основном военная лексика курантов восьмидесятых годов XVII в.³

Некоторые исследователи писали о том, что многие географические названия в этой группе источников «исковерканы до неузнаваемости»⁴. И. С. Хаустова обоснованно опровергает это положение и пишет, что некоторые

¹ На это указывалось в статье А. И. Сумкиной и Н. И. Тарабасовой «Куранты XVII века». «Русская речь», 1970, № 2, стр. 73—78.

² См. Уч. зап. МГПИ, № 264, 1967, стр. 448—470. См. также: А. Л. Сахаров. Лексика русской рукописной газеты 1621 года. Автореф. канд. дисс. М., 1967.

³ И. С. Хаустова. Из истории лексики рукописных «Ведомостей» конца XVII века. Уч. зап. ЛГУ, № 198. Серия филол. наук, вып. 24, 1956, стр. 51—95. См. также: И. С. Хаустова. Лексика «Ведомостей» 1702—1703 гг. Автореф. канд. дисс. Л., 1958.

⁴ См. в частности: А. И. Шлосберг. Начало периодической печати в России. — ЖМНП, ч. XXXV, 1911, сентябрь, стр. 20.

эквиваленты названий были общепринятыми в переводческой практике того времени. Те лица (а круг их был ограничен), которые знакомились с курантами, не могли «не узнавать» топонимы. Читателю XVII в. встречавшиеся в них географические названия были понятны. Не исключено, что при чтении курантов пользовались картами Западной Европы.

В различных написаниях топонимов получали отражение и графика и фонетика как русского языка того времени, так и языка, с которого делался перевод.

Куранты составлялись переводчиками Посольского приказа. Маловероятно, что переводчики были главным образом иностранцами, которые долго жили в Московском государстве и могли в совершенстве овладеть русским языком. Язык курантов обличает в переводчиках коренных носителей русского языка. Вариантность при передаче в «вестях» топонимов, антропонимов и некоторых других иноязычных слов объясняется условиями приспособления их к русскому языку. Что касается знания, скажем, немецкого языка, то русские переводчики могли хорошо изучить его во время пребывания за границей. Не исключено, что среди переводчиков были и иностранцы⁵.

В языке курантов не могла не отразиться московская речь, московское койне. Исследование этого койне опирается прежде всего на материал нарицательной лексики. Но заимствуемый топонимический материал может дополнить и уточнить выводы, извлеченные из ее анализа. Не случайно С. И. Котков в своем анализе фонетики южновеликорусского наречия в XVII в., привлекая прежде всего и главным образом русскую лексику, не минует вариантов фамилии *Фаустов* (Фоустов, Хаустов, Хоустов), связанной с Западом⁶.

При анализе зарубежных топонимов следует отделять нерусские по происхождению графико-фонетические черты от явлений, свойственных русскому языку XVII в. Те и другие подчас находятся в сложном взаимодействии и не легко поддаются выделению и объяснению.

Фонетическая структура заимствуемого названия,

---

⁵ См. С. А. Белокуров. О посольском приказе. М., 1906, стр. 53—55.

⁶ См. С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 34.

трансформируясь, приспособлялась к фонетике русского языка.

Русское произношение XVII в. не знало дифтонгов, а если на письме они появлялись, то этим обязаны были иноязычному источнику. Приведем несколько примеров. Название Австрии проникло к нам через посредство польского языка (ср. польск. Austria). В курантах мы находим *Аустрея*, *Аустрейская земля*, а кроме того, *Устрея*, *Устрейская земля*. Наряду с *Еуропа* встречаем *Уропа*, *Уропея*, наряду с *Ауэзбург*, *Ауэзбурх*, *Ауэбурх* — представлены *Азбурх*, *Ушбурх*, *Асубурх* (Аугсбург) ⁷. В середине слова соседство двух одинаковых гласных, не свойственное ни русскому письму, ни русскому произношению, могло разрываться вставкой интервокального *в* — *Спрее* (Шпрее). Если и сохранялись при передаче рядом две различные гласные, то причину этого надо искать в иноязычном написании: *Заона* (название р. Соны, по-французски Saône), *Савиглиано* (название г. Савильяно в Италии, ср. итал. Savigliano).

Встречая начальное *е* в иноязычных названиях, переводчик должен был, следуя точным правилам транскрипции, передавать его начальным *э*. Эта буква была в его распоряжении, и он мог ее употреблять ⁸. Реже он прибегал к транслитерации — писал *е*, хотя, по-видимому, знал, что это не отражает произношения (из 80-ти возможных случаев употребления начального *э* находим *е* в 26-ти случаях) ⁹. Название реки Эльба передавалось как *Ельба*, *Ельва*, а также *Эльва* и по-современному. Наряду с такими названиями города Эммериха как *Эмерик*, *Эмрих* нам встретились *Ембрих*, *Емерек*, *Емериш*. В позиции конца слова стечение гласных избегалось посредством полной редукции последнего гласного, а также с помощью согласного *ј* или *в*: *Манту*, *Мантуй*, *Мантује* (итал. Mantua) и соответственные прилагательные, образованные от

⁷ В круглых скобках после написания, встреченного в курантах, приводим написание, принятое в современном русском литературном языке.

⁸ См. Н. И. Тарабасова. Буква *э* в скорописи. «Русская речь», 1969, № 4, стр. 104—107 (в статье приводится и материал курантов 1620—1646 гг.).

⁹ Цифровые данные приводим приближенные, так как географический указатель к первому тому публикации дает ссылку на лист рукописи, но не указывает число употреблений на листе.

этих основ (Мантуское княжество, Мантувский удел). Только в 2-х случаях встречаем *Мантуанская, Монтуанская земля*.

Звук /ф/ стал возможен в исконно русских словах после того, как /в/ после падения редуцированных оказалось перед глухим согласным, но его отражение на письме в памятниках XVII в. — явление сравнительно редкое в этой группе лексики. Это, видимо, сказалось и на том, что /ф/ отсутствует в начале слова в сочетании с плавным. Так в названии Фландрии читаем *Ландрейские места, Лантрейская земля*. Та же область называется еще и *Иландрин*.

Нередки написания, явно свидетельствующие о фрикативном произношении звука /г/. Переводчик пипет *x* там, где в немецком названии города присутствует *g* — *Хрунден* (Грауденц), *Хлас* (Глац), *Хрипсвальт* (Грейфсвальд). Начальное *g* может совсем опускаться в русской передаче, как это видим в формах *Ермания, Енва, Енвизий, Ликштат, Лукстат, Люкстат*. *Енва* и *Енвизий* по-разному передают название *г. Генуи*. *Енва* сближается с немецким названием города — *Genua*, в немецкой орфографии XVII в. возможно *Genva*. К итальянскому прилагательному *genovez* «генуэзский» восходит слово *Енвизий*. И в том, и в другом случае в иноязычном названии — *g* в начале слова. Варианты *Ликштат, Лукстат, Люкстат* относятся к городу Глюкштадту. Одно из двух — или фрикативное /г/ отражает произношение писца, или писец эти названия воспринял готовыми из среды южновеликорусской или юго-западной. Сомнительно, чтобы о /г/ могли свидетельствовать факты опущения в русской передаче немецкого *h* в начале слова или после сонорных — *Амбург, Аген, Арцогенбуш, Аг, Ага; Зангерузен* (Зангерхаузен), *Куконузен* (Кокенгузен), *Мулузен* (Мюльхаузен) и под., они скорее свидетельствуют о слабом придыхательном характере начального *h*, опускавшегося и в самих немецких написаниях в XVII в. (у В. Шёне¹⁰ — *Anburg, Amburg*,

¹⁰ Немецкие параллели привлечены из современных немецких карт и отдельных немецких газет XVII в. Просмотрены в основном заголовки газетных сообщений по публикации: W. Schöne. Die deutsche Zeitung im ersten Jahrhundert ihres Bestehens (1609—1700). Bd. 1—3. Leipzig, 1939—1940 (в ссылках: В. Шёне) и немецкие газеты 1622 г. из фонда ГПБ, шифр 16.78.5.11. Кроме того, привлекался материал из словаря: H. Oesterley. Historisch—

а не Hamburg). Вместе с тем норма формировавшегося литературного языка, по-видимому, предписывала употребление взрывного *g*, отражение которого можно видеть в таких написаниях: в начале слова — *Гааг* (ср. выше — *Аг*, *Ага*), *Гавельберх* (Хафельберг). Написания *Галанская земля* (варианты с *a* в первом слоге преобладают), *Балогний*, *Балогней* (Болонья), *Кальмар*, *Кальмор* (Кольмар), *Палигна* (Полинья) могут свидетельствовать о восприятии данных названий через посредство акающей среды (белорусской или южнорусской). На яканье могут указывать написания *Вярбарская шанца*, *Бярлин*, *Няренбургский уезд*. Об оканье, однако, в наших текстах не могут свидетельствовать и написания *Софойская земля* (от Савоя), *Святого Совостьяна крепость* (Сан-Себастьян).

Подобно существительным муж. рода мн. числа с окончанием на *-a* при ед. числе на *-ин* (крестьянин — крестьяня) образовывались некоторые этнонимы, имевшие значение топонимов — *Булгара* (Болгария). Данный тип образования исследователи считают употребительным на всей территории русских говоров, а также в московских грамотах и актах¹¹.

Ряд фактов, которые удается наблюдать в курантах, свидетельствует о том, что русские переводчики знали, в каких словах и как следовало произносить отдельные звуки немецкого языка. Буква *v* в словах, заимствованных в немецкий язык, читалась как /в/, а в словах исконно немецких как /ф/. И если переводчик называет г. Верден во Франции (фр. Verdun) *Фердуном*, итальянский город Кивассо (итал. Chivasso) *Кифасом*, Савою — *Сафоей* (фр. Savoie), то ясно, что эти названия он читает как исконные немецкие. Можно думать, что немецкое произношение передает название *Айстат* (Эйхштетт).

Зарубежные топонимы в русских переводах «вестей» облекались в продуктивные для русских средневековых

---

geographisches Wörterbuch des deutschen Mittelalters. Gotha, 1883 (в ссылках: Г. Остерлей) и статьи Ф. Вильда о немецких топонимах в сообщении англичанина — очевидца Тридцатилетней войны — F. Wild. Die deutschen Ortsnamen in der Relation des Sydnam Poyntz von 1636. — В сб.: Μνήμη χάρις. Gedenkschrift P. Kretschmer. II. Wien-Wiesbaden, 1957 (в ссылках: Ф. Вильд).

¹¹ Т. А. Иванова. Из истории именного склонения. (К вопросу о происхождении именительного—винительного падежа множественного числа мужского рода на *-a* в русском языке). — ВЯ, 1957, № 6.

топонимов модели (например, в виде прилагательных с суффиксами принадлежности *-ин*, *-ов*, *-ск* и *-ь*)¹². Названия *Брезславль*, *Брословль*, *Вратславль* (Бреслау) по происхождению притяжательные прилагательные на *-j*, образованные по образцу Ярославль (вл < vj). Названия типа *Царьгород* (ср. Иваньгород) можно рассматривать как два слова, где первая часть их — притяжательное прилагательное, поскольку встречаются употребления в косвенных падежах — Царьгорода (ср. в Иванегороде). Те же прилагательные на *-j* можно видеть в словах с мягкими *р'* и *н'*, чередующимися с твердыми *р* и *н* — Висмарь (в текстах: Висмаремь) и Висмар; Кольнь (из Кольня), Коллиннь (из Коллиння) и Колин (Кёльн); Кришнень (из Криппеня) и Кримпен (Кремпе); Минденнь (к Минденню) и Минден (Мюнден); Норлигень (над городомъ Норлигенемъ) и Нордлинген (Нёрдлинген); Торень (из города Торенъ) и Торен (Торн). Суффикс *-ов* широко представлен в названиях городов, восходящих к немецким наименованиям на *-au* (*-aw*): *Лидов*, *Бреслов*. Иногда *-ов* присоединяется к *-ав* (немецкое окончание *-au* в русской передаче): *Крумавов* (Круммау). Можно считать, что варианты на *-ин* также поддерживаются русскими формами притяжательных прилагательных, ср. *Кольбергин*.

Многие статьи курантов — «вести» представляют собой переводы зарубежных газет. Сплошь и рядом об оригиналах курантов мы вынуждены судить по русским переводам. Некоторые исследователи вообще считают, что поиски оригиналов курантов — задача мало благодарная, так как переводчик передавал не целиком сообщение из одного места от определенной даты, а составлял его из различных газет¹³. Но все же в некоторых случаях можно говорить о существовании оригиналов к переводным статьям курантов, например, о немецких газетах 1639 г. Н. В. Голицын, готовивший к изданию Вести-куранты 1-й половины XVII в. параллельно с оригиналами к ним, свидетельствует: «Только с 1643 г. начинается более правильное соответствие между русским текстом и иностранными подлинниками . . . сравнение обоих текстов привело меня к заключению, что русский текст является пере-

¹² См. А. М. Селищев. Из старой и новой топонимики. «Избранные труды». М., 1968, стр. 45—96.

¹³ И. С. Хаустова. Указ. соч., стр. 60.

водом иностранного, а не самостоятельной передачей его содержания. . . иностранные газеты дословно и почти всегда целиком переводились на русский язык»¹⁴. Материал топонимов как конкретных наименований, подтверждает это заключение Н. В. Голицына. Возможное обнаружение параллельных оригинальных текстов курантов в дальнейшем открыло бы более широкие перспективы изучения их языка, помогло бы пониманию трудных мест текста.

Постараемся выяснить, как поступал переводчик при передаче иноязычных названий. Русская переводческая традиция в случаях больших расхождений в языках вопрос о передаче имен собственных всегда решала с учетом как звучания, так и написания слов¹⁵. При этом в одних случаях больше сказывалось влияние особенностей звуковой стороны языка (транскрипция), в других — влияние письма, буквенного выражения слова (транслитерация). Последовательного проведения одного из двух принципов в силу существенных отличий в фонетической системе разных языков, естественно, быть не могло. Поскольку переводы статей курантов делались в основном с немецкого, написания топонимов, фиксирующие названия за пределами стран с немецким языком, больше ориентированы на передачу орфографических особенностей слов. Это можно объяснить отчасти незнанием (или плохим знанием) переводчиком произношения на местах тех или иных конкретных топонимов.

Наблюдения Е. М. Поспелова¹⁶ над старинными картами привели его к выводу о том, что топонимы произносились так, как говорили в тех городах и землях, названиями которых они являлись. Ф. Вильд обнаруживает диалектное произношение названий отдельных немецких городов в топонимах, которые упоминает англичанин С. Пойнтц при описании событий Тридцатилетней войны как ее очевидец и участник¹⁷. Примеры курантов также ука-

¹⁴ См. «Вести-куранты. 1600—1639». Изд. подготовили Н. И. Та-
рабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова.
М., 1972, стр. 41.

¹⁵ А. В. Федоров. Основы общей теории перевода.
Изд. 3. М., 1968, стр. 188—192.

¹⁶ Е. М. Поспелов. Относительная достоверность назва-
ний на старинных картах. «Развитие методов топонимических ис-
следований». М., 1970, стр. 91.

¹⁷ F. Wild. Указ. соч.

зывают на отражение в топонимах фонетических особенностей немецких диалектов XVII в. В области вокализма находит отражение *i* или *iə* на месте совр. литературного *ï* в швабском и восточнофранкском говоре: Виртенбурх, Виртимборх, в словаре Г. Остерлея — *Wirtenberg, Wirtingberg* (Вюртемберг). В мекленбургском диалекте *i* на месте совр. литературного *ei*: Грипсвальт, у Ф. Вильда — *Gripswalt, Gripswald* (Грейфсвальд)¹⁸. Передавая названия городов *Стральзунд* (совр. нем. *Stralsund*), *Стаде(н)* (совр. нем. *Stade*), переводчик следует воспроизведению названия по буквам, и вместе с тем такая передача отражает сочетание *st-* на месте литерат. *št-* в северносаксонских и мекленбургском говорах.

Известно, что нормы немецкого литературного языка XVII в. были разными для разных территорий. Таким образом, чем буквальнее передавались иноязычные названия, тем более надежным источником сведений по орфографии и фонетике немецкого языка они являются. Транслитерировались и номенклатурные наименования при топонимах как в составе сложных названий (*стром* в Гавельстром, Эмстром), так и в самостоятельном употреблении: марк Бранденбург. Среди транслитерируемых элементов встречаем предлог и артикль: Франкфорт ан дер Одера, земля фан де Марк. Транслитерируется, а не переводится, испанское *bahia* 'залив' в названии бая де Тода (совр. исп. *bahia de Todos os Santos*, Тодуз-ус-Сантус). Французское *bois* транслитерируется в виде *биос*: биос де Винценория (совр. фр. *bois de Vincennes* «Венсенский лес»).

Такой перевод сложного слова как *Теплый колодезь* (Вармбрунн) мог оказаться возможным только в том случае, если обе части — нарицательные существительные. Иногда транскрипция совмещалась с переводом одного слова сложного названия, например, Ульрихкирхен — в переводе — *Ульрихская церковь*. Речь идет вовсе не о церкви, а о городе.

Переводилось номенклатурное название, хотя при переводе оно теряло свое значение. — *Эйсфельдское поле* (княжество Эйсфельд).

Топонимы ненемецкие больше отвечают правилам транслитерации, чем немецкие названия. Этим можно

¹⁸ Сведения о немецких диалектах XVII в. взяты из кн.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956.

объяснить написания названий *Лангвидотское княжество* (Languedoc), *Пойтовская украина* (Poitou), *Бецир* (Bezier), *Бордес* (Bordeaux), *Фердунн* (Verdun), *Геус* (Guise), *Марсейли*, *Марзелий* (Marseille), *Монтуреус* (Montereaux), *Святого Гермайна город* (Saint-Germain).

Определенные элементы прочтения французского названия по-немецки можно предполагать в написаниях: *Бецир* (Bezier), *Монпелир* (Montpellier), *Химай* (Chimay), *Фонтинеблав* (Fontainebleau). В последнем примере французское bleau 'голубой' передано нем. blau с тем же значением.

Французским -oi-, -eaux, -gu-, -au-, -gn- в русской передаче соответствуют устойчивые элементы транслитерирования в виде -ой-, -евс, -еус, -гв-, -кв-, -ав-, -гн-. Итал. -gn-, -gl- передаются как -гн-, -гл.: *Бологна* (Bologna, *Болонья*), *Савиглиано* (Savigliano, *Савильяно*) и с интервокальным *е*: *Савиглевано*. Прочитанное по-немецки итал. Chivasso приобретает вид: *Хивасо* (Кивассо). В передаче голландских топонимов также наблюдаем ориентацию на побуквенное обозначение названий: *Дрюнен* (голл. Drunen), *Мардик* (Moerdijk), *Нимиген* (Nijmegen, *Неймеген*), *Нортгест* (Noordgeest) *Оверисел* (Overijssel).

Нередко в названии отражаются и произношение и написание иностранного слова: *Штирмарская земля* (нем. Steiermark), в *ненемецком* топониме: *Сшпанская земля* (совр. нем. Spanien). В *ненемецких* топонимах с немецким могло контаминироваться автохтонное произношение: фр. *Рошелле* (совр. фр. La-Rochelle). Название *Шкотцкая земля* через польский (Szkocja) проникло в русский язык XVII века, а в польском названии контаминировалось англ. Scotland и нем. Schottland. Среди прилагательных — обозначений городов, можно выделить два типа названий. В первом случае прилагательное согласуется с существительным — номенклатурным названием: *Вормстедцкий городок*, *Ейзеннов городок* (Эйзенштадт), *Гезиский город* (Гейсинген), *Биберабское место* (Биберах), *Гирсфельтское место* (Херсфельд), *Кантфлийское место*, *Лейпцихский городок*, *Люнебургский город* (Люнебург), *Пыльский город* (Пултуск), *Гданский город*. Другой тип названий образуют прилагательные, употребляемые самостоятельно без определяемого имени существительного. При этом немецкие суффиксы прилага-

тельных -isch, -er транслитерируются: Папенимп (нем. Pappenheimisch), Бернер (нем. Berner). То же наблюдаем в названиях, прошедших через романские языки: Ретелойс (фр. La ville/ retheloise, Ретель), Енвизий (Генуя). Названия земель в русской передаче иногда, кроме немецкого суффикса, оформляются и русским -ск-: Лейгнецерское княжество (Лигниц), Лантрейшская земля (Фландрия), ср. нем. Flanderisches Land, Гешская земля (Гессен), ср. нем. Hessisches Land.

Отметим употребления названий городов и земель в форме мн. числа (Дюнкарки, Меминги, Меммингены, Фландеры, Дыринги, Фраки) при наличии тех же названий в ед. числе (Дюнкарк, Мемминх—Мемминт—Мемнинг—Мемвинг, Фландер—Фландор, Дюренг).

Куранты XVII в. позволяют судить о том, как протекало усвоение иноязычных названий в русском языке, какими путями эти названия проникали в русский язык, какую роль играли при этом названия местного происхождения, посредство каких языков имело определяющее значение.

Варианты названий земель, городов, возникавшие в условиях разных языков, видоизменившись в последних, проникали в русский. Голландское s'Gravenhage (в курантах — Гравенгага, Графова Гага) уступало место немецкому Haag (в курантах — Гаг, Аг, Гаг) и через посредство польского проникло в русский. Названия Гага, Ага (ср. польск. Haga) преобладают, ср. также: Прага, польск. Praga (свыше 60 случаев), Праг (у В. Шёне приводятся формы из немецких газет XVII в. — Prag, Praag, Prach) — всего 4 случая.

В работах по русско-польским языковым контактам XVII в. обращалось внимание на то, что названия некоторых стран в русский язык проникают через посредство польского¹⁹. В польском языке в XVIII в. отмечены следующие названия стран, закрепившиеся позднее в русском: Anglia, Austria, Bawaria, Flandria, Frankonia, Hiszpania, Hollandia, Kurlandia, Litwa, Lotaryngia, Niderlandy, Saksonia, Sycylia, Szwecja, Turcja, Wenecja²⁰.

¹⁹ См. М. Е. Sobik. Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan, 1969.

²⁰ См. А. Булównа. Katalog gazet pisanych z XVIII wieku w zbiorach Biblioteki Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Wro-

В курантах употребляются описательные названия в составе слов *земля, княжество, королевство, штаты*, определяемые прилагательным с суффиксом *-ск-*. Наблюдались и известного рода колебания. Приведем данные об употреблении, с одной стороны, описательных названий, с другой, названий, близких к польскому или русскому языку. Для Австрии соотношение такое: описательных (Устрейская земля) — 6, близких к польскому и русскому (Аустрея, Устрея, Аустрейя, Устрейя) — 8; для Фландрии — 22 (Фландерская земля) и 2 (Фландрия, Фландрея) (варианты, близкие к нем. Flandern — Фландер, Фландеры, Фландры, Фландор, Фландра, — во внимание не принимаются); для Испании — 31 (Шпанская земля) и 2 (Ишпанея); для Литвы — 3 (Литовское княжество) и 15 (Литва).

По этим данным можно установить, что названия, близкие к современным, характерны для стран, близких территориально к русскому государству. Некоторые польские слова употребляются в качестве номенклатурных названий, например, *место* в ед. числе (совр. польск. miasto «город»). В курантах: Биберабское место (Биберах), Гирсфельтское место (Херсфельд), место именем Святого Квинна (совр. фр. Saint-Quentin, Сен-Кантен). М. Е. Соби́к²¹ указывает, что *место* в значении 'город' в русский язык XVII в. проникло из польского. По свидетельству В. Даля, оно известно было некоторым западнорусским диалектам. Нельзя исключить здесь и белорусское посредство. Слово *места* (во мн. числе) употребляется в сочетании с прилагательными, образованными от названий земель — саские места, ландрейские места или от названий городов — миланские места, явене́йские места (Милан, во Франции — Авен). В первом случае оно может называть как города на данной территории, так и часть земли, области. Во втором случае это скорее «окрестности данного города». Слово *речь* в сочетании *Недерлянская речь*, несомненно, употреблено под влиянием польского сочетания *rzeczpospolita* 'республика'. По свидетельству М. Е. Соби́к²², слово *rzeczpospolita*, будучи

śląw—Warszawa—Kraków, 1969 (стр. 459—468: Wykaz miejscowości, występujących w tytułach gazet i nagłówkach artykułów).

²¹ См. М. Е. Соби́к. Указ. соч., стр. 271.

²² См. там же, стр. 325.

построено по образцу лат. *res publica*, первоначально имевшее значение 'общество', в польском языке XVII—XVIII вв. употребляется в значении 'республика'.

Зарубежные топонимы курантов дают наглядное представление об одном из этапов формирования и становления в истории русского языка заимствуемой лексики. Изучая топонимы, можно наблюдать, как зарубежные названия подчинялись фонетическим и морфологическим законам русского языка. Вместе с тем можно констатировать отступления в сторону иноязычного оригинала, а также становление норм передачи иноязычных названий. Топонимы курантов во многом близки к их языкам-источникам. Поэтому историки западноевропейских языков еще обратятся к материалам курантов, изучая процессы развития самих этих языков и процессы взаимодействия языков в одной из сфер лексики — сфере собственных имен.